

срочной командировки из Рени в Киев — здания Верховного Совета УССР после пожара в период оккупации.

"Благодаря выборочному обновлению металлоконструкций здание удалось ввести в строй гораздо раньше, чем предполагалось, без ущерба для прочности и внешнего вида. Кроме того, было сэкономлено 250000 рублей.

Потом передо мной поставили еще одну задачу — внести поправку в архитектурный облик здания. Так как оно на возвышении, то с ближайших улиц не было видно купола, — вот мне и предложили поднять его.

Поднимали восемь домкратов. После этого подставляли заранее изготовленные тумбы из труб диаметром 325 мм и приваривали их. Купол здания Верховного Совета вырос на 1 м 20 см" (Газета "Сталинский путь", орган Ренийского РК КП(б)У и райсовета депутатов трудящихся, 29 мая 1945 г.).

Через год отцом был аналогично реконструирован купол железнодорожного вокзала в Одессе.

3. Участие в качестве эксперта-нефтяника в комиссии по утверждению проекта нефтегазопровода Ильичевского порта.

Тут экспертиза отца предотвратила серьезную ошибку.

Проект предусматривал прием будущей нефтегазопровода крупнейших на тот момент танкеров. Однако отец проинформировал комиссию, что на зарубежных верфях строятся уже супертанкеры, намного большей грузоподъемности. И если не исправить проект, то к моменту завершения строительства нефтегазопровода окажется устаревшей, не пригодной для их приема. Доводы отца были учтены, и хотя проект пришлось удорожить, зато конкурентоспособность нефтегазопровода была обеспечена.

4. Изобретательская деятельность.

Самое известное из его изобретений — резервуар с безмоментной кровлей для хранения нефтепродуктов, дававший большую экономию металла и вошедший в специальную литературу под названием "Резервуар Арзуняна".

В СССР было построено несколько таких резервуаров, а в Китае эта конструкция была принята как типовая, и таких резервуаров было построено сотни. Как и в эпизоде с "Дзержинкой", от возможного гонорара из Китая, до 100000 рублей, при тогдашнем курсе \$1=65 копеек, отец отказался (и пришлось ему лет десять коптить деньги на первую свою автомашину — "Москвич-403").

Помню, несколько раз отцу предлагали работу в министерствах Москвы и Киева — причем в Киеве даже с квартирой на Крещатике (в Москве на первых порах пришлось бы снимать квартиру). Но будучи патриотом Одессы, а также из-за нежелания вступать в партию, он неизменно отказывался, продолжая свою линию антикарьеризма.

5. В 1955 г. отец завершил трехгодичную стационарную учебу в Академии нефтяной промышленности в Москве, со стипендией в размере зарплат на последнем месте работы.

Выпускные экзамены в академии приравнялись к кандидатскому минимуму, а дипломная работа — к кандидатской диссертации. Но кроме защиты дипломной работы надо было потом отдельно пройти процедуру оформления и защиты ее уже как диссертации. И по своему обыкновению, отец отказался тратить еще несколько лет на рутинную диссертационную волокиту — причем в Москве, без квартиры, продолжая жить в разрыве с семьей, находившейся в Одессе.

Так в очередной раз он притормозил свою официальную карьеру.

6. Четверть века работы в Одесском техникуме газовой и нефтяной промышленности, ко-

торый при нем из небольшого учебного заведения превратился в крупнейший техникум Украины и один из крупнейших в Советском Союзе. Преподавательская деятельность и руководство учебной работой в качестве заместителя директора техникума, а также организационная работа по строительству двух девятиэтажных домов для работников техникума — первых домов будущей улицы Александра Невского будущего микрорайона Вузовский, в районе 5-7 станций Черноморской дороги.

7. Написание учебников: "Резервуары с безмоментной кровлей для хранения нефти и нефтепродуктов". — М., ЦНИИТЭнефть, 1956; "Учебное пособие для дипломного проектирования в техникумах (совместно с А.В. Громыным и И.И. Матецким)". — М. Недра, 1972; "Расчеты магистральных нефтегазопроводов и нефтебаз". — М., Недра, 1979; Сооружение нефтегазохранилищ (совместно с В.А. Афанасьевым и А.Д. Прохоровым). — М. Недра 1986.

Память о человеке

В 1989 г. отцу было 80 лет, и он был в хорошем для своего возраста физическом и психическом состоянии. Во всяком случае, на своей машине "Жигули" он отвез меня с женой в одесский грузовой порт и провез по порту к грузовому судну "Академик Благонравов", на котором мы и отчалили в Соединенные Штаты. А в Советском Союзе сохранять права на вождение автомобиля в таком возрасте мало кому удавалось.

Однако, живя уже в Нью-Йорке, я узнал, что в последний год жизни отец стал иногда терять память. Случалось, что он не мог найти дорогу домой, и его приводили чужие люди.

В 1995 г. его квартира была в его отсутствие ограблена, причем пропали и документы (наверно, для вписывания в них других фамилий и вклеивания других фотографий). А вскоре и сам он пропал без вести. И единственный документ, который сейчас есть у меня, — это решение суда о признании его "безвестно отсутствующим".

Два месяца назад я послал письма на имя директора Одесского техникума газовой и нефтяной промышленности, где отец проработал четверть века, и на имя мэра Одессы, в которой отец родился и пропал без вести на девятом десятке лет жизни, — с просьбой помочь в поисках документов его и о нем в архивах техникума и города. Но, увы, до сих пор я не получил ответа не только по обычной почте, но и по указанному мной в письмах имейлу.

Я просил о возможности хотя бы сделать ксерокопии того, что можно было бы найти (метрическое свидетельство, дипломы института и академии, трудовая книжка, авторские свидетельства на изобретения, автобиография и др.), — за такими ксерокопиями мог бы зайти кто-нибудь из проживающих в Одессе моих родственников или друзей. Но не только сами руководители, но и их канцелярии так и не ответили мне.

Человек пропал без вести... Но неужели он не оставил никакого следа ни в учреждении, где он работал, и которое, по сути, создал в течение четверти века, ни в родном городе, которому он был верен всю свою жизнь?

Тем более что хоть он и не был особой знаменитостью, — но не был и заурядным гражданином своего города.

Р. С. Те из читателей, кто желает поделиться со мной воспоминаниями об А.С. Арзуняне, могут прислать их мне по адресу: edvig@narod.ru.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ ПРОФЕССОР С ДЕРИБАСОВСКОЙ

Ничего в нашей жизни не дается даром, за все нужно что-то платить, чем-то жертвовать, от чего-то отступать. Тысячи лет люди, будь то деревянной палочкой по сырой глиняной дощечке, заостренной камышинкой на листьях папируса, кисточкой на пергаменте или гусиным, а потом стальным пером на бумаге, но писали, как говорится, от руки. И только с появлением электрического, как его поначалу именовали, телеграфа, потом пишущих машинок, телетайпов, а в наши нетерпеливые времена компьютеров с принтерами и электронной почты рука человека все чаще и все дальше отрывается от бумаги, которая зачастую и вовсе оказывается ненужной. Но читать письмо, напечатанное даже самым что ни на есть лазерным принтером, или то, которое написано рукой близкого человека, — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Написанное от руки способствует "эффекту контакта", поскольку почерк — такая же сугубо индивидуальная особенность каждого человека, как голос, походка, жестикация, и может повествовать даже о самом потаенном. "Понятно... что если каждая буква стоит отдельно, то обладатель почерка высокого о себе мнения, — утверждал Юрий Карлович Олеша. — В самом деле, даже в скорописи человек успевает бросить каждую букву отдельно, как бы помня о каждой, как бы очень ценя каждую..."

В давние годы хороший почерк, может быть, и не совсем заслуженно, так как не всегда зависит от человека, но считался одним из его несомненных достоинств. Известно, к примеру, что в молодые "дописательские" годы Александр Дюма получил место в канцелярии самого герцога Орлеанского исключительно благодаря своему великолепному почерку. И персонаж рассказа Шолом-Алейхема "Родительские радости", характеризуя своего зятя, подчеркивал, что у него "прекрасная голова на плечах, прекрасный почерк", то есть ставил почерк на одну доску с интеллектуальными способностями. Разным бывает почерк, в том числе некрасивым и, что много хуже, неразборчивым. Довелось мне когда-то буквально по буквам расшифровывать давнишнее, времен войны, письмо Ильи Григо-

рьевича Эренбурга, который обычно печатал их на машинке, извиняясь и признаваясь в том, что свой почерк он и сам частенько не в состоянии разобрать. Я посетовал на свои мучения и показал это письмо доброму знакомому, старейшему тогда юристу Илье Вениаминовичу Шерешевскому, который сочувственно покачал головой и с эрудицией коренного одессита изрек: "Да, не было на него в молодости профессора Коссодо!".

Происходивший из мещан города Николаева, Адольф Исидорович Коссодо родился в 1861 году и в последнее десятилетие XIX века приобрел широкую известность. Много лет в одесских газетах и столичных журналах регулярно появлялось его оригинально набранное объявление: "КРАСИВО ПИСАТЬ изящным контурным шрифтом преподает ЛИЧНО И ЗАОЧНО (иногородним посредством переписки) А.И. КОССОДО, удостоившийся звания профессора КАЛЛИГРАФИИ в Париже и получивший за блестящее исправление почерков УЧЕНИКОВ И УЧИНИЦ в 10 уроков золотую медаль и диплом на звание почетного члена Парижской и Берлинской академий искусств. Иногородние выучиваются заочно изящному и красивому почерку в 15 уроков. За 2 семикопеечные марки высылается ПРИБОР ПИСЬМО И ПОДРОБНЫЕ УСЛОВИЯ. Адрес: Одесса, Дерibasовская ул., дом Жульена, № 19, кв. № 9. Проф. каллиграфии А.И. Коссодо".

Будучи убежденным в том, что "любой почерк при добром желании, небольшом труде и запасе терпения можно исправить в короткое время", он разработал оригинальный метод исправления почерка, основанный, по его словам, "на законах эстетики, симметрии, педагогике и изящного вкуса".

Коссодо не был единственным, и тем более, первым каллиграфом в Одессе. Еще в 1827 году здесь объявился и "по всем правилам сей науки" на русском и французском языках давал уроки каллиграфии "известный французский чистописец Клавдий Арно", в одно время с Коссодо в Одессе держали "Курсы каллиграфии" Ш. Крук, Н. Непомнящий, И. Ходоров. Но профессор с Дерibasовской был, что называется, на виду всего города.



Он преподавал каллиграфию в разных учебных заведениях, в том числе в Императорском Новороссийском университете, где удостоился специального аттестата "За блестящее исправление дурных почерков", получал золотые медали и почетные дипломы на самых престижных международных выставках и участвовал в самых громких судебных процессах, где требовалось заключение эксперта-почерковеда. В книжных магазинах продавали его брошюры "Метод преподавания профессора Коссодо в Одессе" и "Помощь письменным наставлений и полное руководство к изучению каллиграфии", а в писчебумажных, как их тогда называли, — созданное им "фирменное" стальное перо "Коссодо" и слепок его правой кисти, фиксирующий нужное положение пальцев и ручки в процессе письма, что должно было "значительно облегчить задачу плохопишущего". Из книжек Коссодо многие одесситы узнавали о том, что есть разные типы почерка — каллиграфический, министерский, контурско-коммерческий, рондо, готик и другие. А 18-летний ученик одесского художественного училища Евгений Шумахер, которого угораздило сойтись с опустившимися до банального криминала местными анархистами, пытался было устроить модную тогда, в 1907 году, "экспроприацию" в квартире Коссодо.

Он умер от апоплексии пятидесяти шести лет от роду, его хоронили морозным и метельным январским днем 1917 года, и один бойкий одесский журналист в избытке эмоций написал в некрологе, что "профессор каллиграфии Коссодо поставил свою последнюю точку в жизни". За его гробом, как тогда было принято, до самого кладбища шла спешно приехавшая из Петербурга дочь, сестра, два брата, множество других родственников, друзья, коллеги, благодарные ученики и местные шахматисты, поскольку покойный когда-то изрядно поднапорел и в этом искусстве. Часть состояния А.И. Коссодо согласно завещания обратили на нужды благотворительности, остальное было разделено между близкими.

А вскоре произошла Февральская революция, потом разразился октябрьский переворот, и для того чтобы выписывать мандаты на реквизиции или подписывать смертные приговоры красивый почерк вовсе не был обязателен. И когда глухой ночью 1937 года люди с Маразлиевской пришли за племянником профессора, бывшим присяжным поверенным Виктором Германовичем Коссодо, ему, конечно, совершенно все равно было, каким почерком выписан ордер на его арест.

Вихри горестных событий, казалось, навсегда замели следы профессора каллиграфии Коссодо на нашей грешной земле, и 2-е еврейское кладбище, где его похоронили, было варварски уничтожено. Но... в довоенной повести "Белеет парус одинокий" и в сочиненной уже на излете жизни книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" Валентин Катаев написал о забывшихся ему с далеких гимназических времен перьях "коссодо", а Лев Славин, перечисляя черты и черточки старой Одессы, вспомнил его в своем романе "Наследник". И на памятнике Александру Сергеевичу Пушкину, что на Приморском бульваре, "каменными автографами" уже второе столетие остаются врезанные в гранит надписи, исполненные по безвозмездно выполненным эскизам архитектора Юрия Дмитренко и каллиграфа Адольфа Коссодо.